

ПИСАТЕЛИ ПРИЕХАЛИ

Рассказ Р. Фрлермана

Рисунки М. Горшмана

Ваня Виноградов никогда не видел писателей. Поэтому, когда учительница Анна Дмитриевна сказала, что сегодня в Центральной библиотеке будут выступать приехавшие из Москвы писатели, Ваня заволновался.

Из дому он собирался выйти в четыре часа. Но мать из-за стирки задержалась с обедом, а отец пришел из депо только в пять. Ваня отказался от щей, съел картошку с мясом и высочил в сени. Мать остановила его. Она вспомнила, что ночью он жаловался на боль в ушах. Она повернула его направо, налево, завязала уши теплым платком и велела надеть валенки.

На улице, мимо освещенных окон кооператива, летал снег, шаталась метелица. Она так же как мать окружила Ваню, повернула его направо, налево и отпустила, наконец, в библиотеку.

Там уже было много народу. Ваня, не отрываясь, смотрел на писателей. На одном из них была шапка с длинными ушами, которые можно было закинуть за спину. Другой, в суконной толстовке, был похож на машиниста Федора Тимофеевича, часто приходившего к отцу в гости. Третий ни на кого не походил. Он курил трубку, на нем были воротничок, галстук, белые манжеты высывались из рукавов лидокака.

«Неужели,—думал Ваня,—это он, такой чистый, написал книгу, как можно из резинки, щепок и жести сделать себе паровоз?»

Но когда писатель поднял руку и сказал: «Ребята, тише!», Ваня заметил, что на указательном пальце у него не хватает одного сустава.

«Ага, оттяпал себе, все-таки, топором...»

И Ваня посмотрел на свои маленькие грязные руки в цыпках, саדיнах, в царапинах от отцовской стамески.

В это время писатель вынул из чемодана новые модели, и Ваня забыл обо всем. Он вскочил на стул, чтобы лучше видеть. Его посадили. Он вскочил снова. Его

обругали. Он кинулся по проходу к эстраде и сел на ступеньки. А писатель уже показывал модели. Под потолком высокой залы пронесся картонный планер, запущенный резинкой, как из рогатки. По столу прошел автомобиль, тащивший на себе коробку спичек. Пароход с мачтами, тоже заведенный резинкой, бил по воздуху своими жестяными колесами. Потом крошечный мотор с карманной батареей вращал пропеллер. Много было чудесных вещей! В ушах у Вани звенело. Он сначала плохо слушал, что говорили писателям дети. Они называли их не по фамилиям, а по их книгам: Кожевникова — «Тансыковым», Злобина — «Салават Юлаевым», Абрамова — «Щепки, резинка и жель».

Они говорили:

«Пишите нам про холодные страны, пишите про жаркие страны и про зверей. Пишите веселые книги, чтобы после алгебры и арифметики нам было смешно. Пусть это будет неправда, как «Барон Мюнхаузен», но чтобы мы смеялись. Пишите нам про гражданскую войну и про будущее. Пишите про хороших коммунистов. Пишите о народах нашей страны и о нашей природе, но только красиво — так, чтобы дул настоящий ветер и шел настоящий снег».

Потом вышла маленькая девочка в веснушках, с косами, завившимися на кончике в одно кольцо. Она то краснела, то бледнела и, забыв, что ей хотелось сказать, прочла басню Крылова «Волк и журавль».

Взрослые улыбались.

Но Ваня выслушал и ее. Сердце его громко стучало. Ему тоже хотелось сказать что-нибудь. Никто из этих детей, учителей, родителей, — никто не знает, что он раньше писателя — инженера Абрамова — догадался сделать из гвоздей и резиновых подвязок заводной паровоз; что у него есть мельница, которую вращают мышь и электричество.

Ваня взшел на трибуну.

На стриженной голове его торчал огромный узел от платка, концы которого болтались как уши лягушавой. Ноги едва волочились тяжелые валенки. Глаза у Вани бы-

Ка-
обо-
ром,
я
люблю-ю
технику

ли большие и светлые как лед. Он повернулся к девочке, все еще стоявшей на трибуне, и протяжно, тонким голосом сказал ей:

— Наоборот я люблю технику. Наоборот, — повторил он, обернувшись к тем, которые смеялись над его потешной фигуркой в платке, — я люблю технику.

И все стихли. Так настоящим было его голос и глаза так светились, что, казалось, две слезы застыли на его лице.

— Тут показывали, — продолжал он, волнуясь и растягивая слова, — автомобиль с резиной. Он везет коробку спичек. У меня паровоз везет два кирпичика. Наоборот, я люблю технику.

Ваня снова сел на ступеньки. Писатель поднялся из-за стола, подошел, присел рядом с Ваней и обнял его той самой рукой, на которой не хватало полпальца. Они разговорились.

И писатель узнал, что Ване восемь лет, что кроме паровоза и мельницы он еще делает разные машины, моторы, батарейки и может устроить радио.

Ваня же от писателя ничего не узнал нового, кроме того, что палец он не топором «оттупил», а потерял на войне с белыми. Ване стало жаль писателя, и чтобы утешить его, он сказал:

— Техника решает все.

Они расстались до завтра. Завтра утром в 14-й школе соберутся юные конструктора со своими моделями, и Ваня должен принести все, что у него есть. Он шел домой взволнованный, радостный, не замечая дороги. Метель стихла. Только в свете фонарей, как соль сверкая, сыпалась сверху изморозь.

Дома Ваня поужинал щами, оставшимися от обеда, и принял за свои модели. Надо было их осмотреть и проверить, чтобы завтра показать всем. Он устроился в кухне, на скамейке. В комнате мать ему не позволяла сорить. Но и в кухне было хорошо. Под потолком горела большая, в пятьдесят свечей, лампа; от плиты тепло, пахло сосновыми дровами. Тут же, возле

печки, мать синила в жестком корыте белье. Вода в корыте была голубая, а руки у матери — красные и мокрые до локтя; когда она выжимала тяжелую простыню, на них напрягались мускулы. Сильные, добрые руки. Ване хотелось рассказать матери о писателях, о своих моделях, о завтрашнем дне. Но мешала гордость. Он знал, что мать работает судомойкой в столовой, на улице Карла Маркса. Что может она понять в технике? Отец — другое дело! Он часто приносит Ване из депо обрубленные пружины, кусочки проволоки, дощечки.

Ваня давно уже проверил свои модели, сложил их в угол на скамейку, и теперь сидел, слушал всплески воды в корыте под руками матери. Казалось, что далеко где-то пилат дрова. Глаза его закрывались.

— Иди спать, чего спишь носом? — сказала мать.

Ваня, пошатываясь, вышел из кухни. Между тем мать кончила синить, выкала белье, и, взглянув на ходики, висевшие на стене, увидела, что уже поздно и белье придется оставить до утра. Она пожалела, что напустила его, хотела снова залить водой, но, раздумав, сложила на скамейку в тот самый угол, куда Ваня засунул свои модели. Но этого Ваня не видел. Он спал, и с лица его не сходило выражение удовольствия и гордости.

Утром его разбудил сердитый голос матери. Он увидел ее у окна. Как и вчера руки матери были обнажены до локтя. Она разглядывала на свет простыню. На влажном полотне видны были большие ржавые пятна. Такие же пятна были на полотенцах, юбках и на новой рубашке отца.

— А-а, пропости на него нет с его гвоздями и железками! — кричала мать. — Все белье перепортил окаянный! Ржавчину, разве ее отмоешь? Век не отмоешь! Давно бы мне сжечь все эти игрушки. Весь дом загадил!

Ваня вскопчил с кровати и босиком, в одной рубашке бросился в кухню, в угол, куда вчера сложил модели. Их не было ни на лавке, ни под лавкой, ни в сених. Чу-

— А-а! Пропости на него нет с его гвоздями и железками!

гунные дверцы плиты были открыты, и там жарко горел огонь.

У Вани перехватило горло.

— Мои модели? — спросил он тихо, обращаясь к матери.

— В печке твои модели! — сердито ответила мать.

— Мои модели, мои модели... — шептал Ваня победившими губами. Он с ужасом смотрел на мать. Светлые глаза его были широко открыты. Слезы капали на рубаху, на босые ноги.

— Писатели приехали...

И такое горе, боль, отчаяние были на его лице, что, взглянув на Ваню, мать уронила на пол мокрое белье.

Через полчаса Ваня с матерью шли в 14-ю школу. Оба были расстроены, печальны, а на лице Вани еще виднелись следы слез.

Мать поминутно поправляла платок на голове и вздыхала.

Что она скажет писателям?

Сегодня было ясно. Над городом висело небо, очень синее, будто затвердевшее от мороза. Недалеко от школы Ваня увидел на тротуаре раскатанную мальчишками дорожку, покрытую темным льдом. Хорошо бы разбежаться и с'ехать на валенках вниз. Но Ване было не до того. Он отвернулся и прошел мимо. Юные конструктора уже собирались, когда Ваня пришел в школу. Писатель встретил его как старого приятеля. Хрипя своей трубочкой, он сказал:

— Ну, Ваня, а мы тебя давно ждем. Показывай свои модели.

Но, взглянув на убитое лицо мальчика, на женщину, стоящую рядом, он понял, что случилось несчастье.

— Нету у меня моделей, — сказал Ваня, силясь не плакать. — Она их сожгла в плите.

Писатель выхватил изо рта свою трубку.

— Ах, что вы сделали!

Мать услышала в его голосе огорчение и упрек. Юные конструктора, сбившись в кучу, смотрели на нее недружелюбно.

Все молчали.

— Родные мои, — сказала она. — Я же его люблю. Уж как мне некогда: и на работе и дома, — а сама на

три рубля ему звездой купила. На три рубля! Сладу с ним нет. Придет к отцу в депо — по станкам шмыгает, пробует, руки себе все ободрал. А давеча так Федор Тимофеевич из-под паровоза его вытанил. Интересуется. Того и гляди, голову ему оторвет. Все гвозди из стенок повывдергал. Прихожу я под выходной, гляжу, сидит за столом, а на столе ходики все по колесам разобраны. Я, конечно, кричу. Ходики-то пять рублей стоят! А он мне: «Не кричи, мама, я сейчас соберу». И собрал. Вот уже третью неделю ходят.

Писатель смеялся. А Ваня сопел носом и с горечью поглядывал на стол, где лежали принесенные ребятами модели.

Тут были трактора с колесами, выкрашенными чернилами, автомобили с осями, сделанными из карандашей — ничтожные вещи по сравнению с тем, что вчера еще было у Вани.

Писатель утешал его. Говорил, что в городе открывается надиях детская техническая станция, что он пришлет ему из Москвы настоящий железный конструктор, с гайками, с французским ключом.

Потом они сидели рядом за столом, и писатель читал ребятам свою новую книгу о первом пароходостроителе Роберте Фультоне. Ваня любил слушать о смелых изобретателях. И когда он услышал, что никто сначала не верил Фультону, не хотел сесть на его пароход, губы у Вани задрожали. Он вспомнил свое собственное горе. Но ничего! Фультон все-таки сделал пароход.

— И вот пароход поплыл по реке Гудзону, — прочел писатель и на мгновение остановился, чтобы глотнуть из стакана воды.

А Ваня блестящими глазами обвел ребят, закинув голову, и вдруг торжественным голосом добавил:

— ...изрыгая клубы черного дыма.

МЫ — ЮБИЛЯРЫ

Л. Кассиль

«Пионеру» 10 лет! Я горжусь этим. В этом славном деле есть и моя капля чернил.

— «Пионер» — моя родина. Поздравляя его с десятилетним юбилеем, я сам праздную собственный пятилетний юбилей в литературе для детей. Как детский писатель я, значит, моложе «Пионера» в два раза. Ему уже было пять лет, а меня еще совсем не было в литературе для ребят... Но вообще я все-таки существовал на свете. И вот однажды... Впрочем, стоп! Я, кажется, перехожу к воспоминаниям. А воспоминания, да еще юбилейные, — штука ответственная. Воспоминания бывают разные. Например вот воспоминания восторженные с подвиранием:

«Батюшки! Что делается! Товарищи! Друзья! Ребята! Читатели! «Пионеру» десять лет! Как? Не может быть! Что вы говорите! Когда он успел так вырасти. Еще вчера, как сейчас помню, он был такой малюсенький. Такой был шустрый. Я, помню, все хлопал его по задней обложке. А он бывало все... что, бишь, такое он говорил? Что-то очень такое интересное, только вот я забыл».

Или вот вам воспоминания мрачные и ворчливые:

«Десять лет... А что из этого? Постарели мы с тобой, товарищ «Пионер». Ты-то не очень. Ты цветешь, расцветаешь. А вот я... Десять годочков, как в аптеке. А помню вот бывало... Был журналчик «Задуманное слово»... Такой был приличный журнал. И детки были такие приличные... Жаль только мало их пороли. Высь бы как следует, так не захотелось бы никаких «Пионеров». А то развели политику. Это разве детское занятие. Читали бы себе про «Серого волка» и

«Красную шапочку», а то ишь красные галстуки навязали. Эх, юбилейчики!»

Или такие воспоминания деткора-неудачника:

«Дорогая редакция! Поздравляю тебя с юбилеем. Мне скоро будет одиннадцать лет. Я пишу всю жизнь стихи. Они у меня получаются здорово. Сегодня я праздную вместе с вами свой юбилей литературной и поэтической деятельности. Сегодня исполнилось 10 лет, как вы, дорогая редакция «Пионер», получили мое первое стихотворение. Его вам послала моя мама. Стихотворение было длинное, но я помню, как оно начиналось: «Бу-бу-ба, ма-ма-бдяб, Бу-бу-ва-а-а, ма-бя...»

Уже тогда я владел, как видите, сложной рифмой. С тех пор мы с вами часто переписывались. Я храню на память все ваши письма как активный деткор. Они у меня разложены по годам. И я ими очень горжусь и показываю всем. Только они очень похожи друг на дружку. Там всегда написано в начале или под конец: «Твое стихотворение печатать в журнале нельзя. В нем нет ни складу ни смысла. Ничего не поймешь... Тебе сперва надо научиться грамотно писать». У меня таких писем уже 34. Ни у кого из моих товарищей столько нет. Значит я самый активный. Дорогая редакция, у меня теперь есть сестренка. Ей уже семь месяцев. Она тоже активна и уже выдумала стишок: «Бу-ля-бям, пп-п-пу!». Когда она сочинит вторую строчку, я пошлю стишок вам в журнал. Напишите, как он вам нравится, стоит ли дальше работать насчет поэзии».

Вот видите, какие разные бывают воспоминания на юбилее. А ну-ка подробно и я вспомнить что-нибудь такое, только уж по-серьезному.

...Когда в журнале «Новый лэф» Вл. Вл. Маяковского были напечатаны первые отрывки из недописанной еще тогда моей книги «Конduit», я получил письмо от редакции «Пионера». На конверте было напечатано: «У каждого свой вкус, своя манера. Но каждый, кто безус, читает «Пионера». Усы у меня в то время росли еще неважно, и я с большим вниманием отнесся к письму. Оно было подписано Б. Ивантером. Сейчас он ответственный редактор «Пионера», а тогда Ивантер был заведующим редакцией. Он предлагал мне дать им, для «Пионера», мою повесть «Конduit». Я, собственно, не собирался печатать «Конduit» специально для ребят, но тут, прочтя письмо Ивантера, я сел за рукопись еще недоделанной книги, с увлечением взялся за перо и увидел, что мне гораздо приятнее, веселее, интереснее писать для ребят. Исчезла сразу манерность, которая мне тогда казалась обязательной для «взрослой» книжки.

Я писал с жаром и увлечением. Так мне еще никогда не писалось. Я купил в киоске журнал «Пионер», залпом прочитал его, присмотрелся, как в нем пишут для ребят, послал законченные отрывки «Кондута» в «Пионер» и стал сотрудником этого журнала, т. е. пи-

— А то не нравится, что прочел я первый номер журнала, а что дальше с Кирюшкой будет — этого я и не знаю.

— А хочется узнать?

— Очень, — откровенно сознался он. — Вот все хожу и думаю, что же такое дальше будет? Хоть бы скорее второй номер выходил.

Улыбнулся я тогда и думаю: «Ну это еще не беда, если тебе так не нравится».

Устроила редакция «Пионера» мой творческий вечер, тоже было неплохо, и услышал я для себя немало важного и полезного.

Сейчас я работаю над повестью, которая называется «Военная тайна». Это повесть о теперешних ребятах, об интернациональной смычке, о пионерских отрядах и еще много о чем другом.

И наконец вы уже читаете в «Пионере» последнюю мою вещь, это «Синие звезды». Прочтете, пишите как понравилась.

Что буду писать дальше — пока не знаю. Но во всяком случае постараюсь написать такую повесть, чтобы не стыдно было прочесть ее и в том прекрасном будущем, что зовется социализм, в котором надеемся долго прожить и я, а вы-то, ребята, проживете и по-прежнему.

— Какой замечательный Туп-Ипан! — ахали провозже на улице (см. стр. 13).

СИНИЕ ЗВЕЗДЫ

(Продолжение)

А. Гайдар

Рис. Ф. Полищук

Утром Кирюшка победил к деду Пантелею.

После вчерашнего паводка возле избенки сверкали лужи. Проломанный плетень был смят и повален. Повсюду валялась щепка и торчали косматые охапки еще мокрой соломы.

Пригретые ясным солнышком, суетливо бродили по грязи хлопотливые куры. Из стояла высовывал морду добрый теленок, и даже злобный рыжий кот, и тот, ласково жмурясь, тихо полз по крыше, подбираясь к стайке беспечно горланящих воробьев.

У крыльца сидя и уже не сердитая бабка развешивала широкие девдовские штаны. А сам дед Пантелей кончал запрягать лошадей.

— Пришел, — улыбнулся дед Пантелей. — А я смотрю, что не идешь? Или, думаю, не придет, да нет, думаю, должно быть, придет. Погода-то нынче вон какая. Светлая. Ну садись. Как тебя звать-то?.. Кирилл?.. Залезай, Кирила, на телегу. Поехали...

И как только выехали в поле, пахнуло таким непривычным, невиданным простором, что Кирюшка сразу притих.

— Слышишь? — спросил дед, корявым пальцем указывая в небо. — Глянь-ка вон туда, под облако... Гурлы... Гурлы. Это дикие лебеди-кликуны потянули.

Задрав голову, долго смотрел Кирюшка, как высоко-высоко, под самыми облаками, вытянув прямые длинные шеи, плавно и стремительно летела стая больших белых птиц.

«Как же это так? — задумался Кирюшка. — Был завод, школа, отец, мать, знакомая улица, автобус № 5, трамвай № 17, — а сейчас никого рядом и ничего».

И потому, что рядом не сидел даже Матвей, который был все-таки свой, городской, Кирюшке вдруг как-то почудилось, что вот уже поехал и он не в Чарабаевскую рощу за ракитовой лозой, а тронулся в какой-то новый и далекий путь.

Тогда он сощурил слезлившиеся от солнца глаза, и стало ему грустновато.

«Эх, папка, папка! — укоризненно подумал Кирюшка. — И что тебе стоило немного, ну совсем немножко подвигнуться, а не стоять на том самом месте? И тогда пролетели бы разорванные кирпичи мимо или еще в кого-нибудь».

Он вздохнул. Но тотчас же вспомнив, что если бы отец не стоял на том самом месте, у парового молота, то там обязательно стоял бы кузнец Матвей.

И Кирюшке стало жалко Матвея, он сейчас же захотел, чтобы и Матвей тоже подвинулся.

Но если бы не стоял Матвей, то встал бы туда Иван Караулов, девчонка у которого, Катюшка, была веселая, черноволосяя, и это ей он, Кирюшка, подарил однажды хорошее, но только немножко червивое яблоко.

Тогда ему стало жалко и отца, и Матвея, и Ивана, и еще кого-нибудь, кто обязательно стоял бы на этом месте, потому что это такое твердое место, где всегда кто-нибудь должен стоять. И, конечно, стоит кто-то уже и сейчас.

«Нельзя всем двигаться, — смутно решил Кирюшка. — И я бы тоже не подвинулся. Раз поставили — значит, стой!»

— Что, Кирила, задумался? — окрикнул дед Пантелей. — Вот она и Чарабаевская роща. Помещик тут раньше жил, Константин Ермолаевич Чарабаев. Гордый был человек... Сильный. Беда, сколько земли поднимал.

Это заинтересовало Кирюшку. Он и сам, бывало, в цирке видел, как поднимают гири, видел, как поднимают людей. А однажды видел даже, как один молодец вставлял себе на спину невысокую лошадку. Но чтобы землю поднимали, этого он еще не видел никогда. Как ее поднимешь, в мешки насыпать, что ли?

— И сколько он поднимал? — осторожно спросил Кирюшка, недоверчиво поглядывая на старика.

— А вот сколько. Вон, под солнышком, вроде как бы — гору видишь? А теперь гляди дальше, за речку, туда, где наши трактора идут. А теперь глянь в ту сторону, до самого края, где чуть-чуть лес синее. Это все его земля была. Но теперь повороти голову назад и смотри как раз от речки до того села... до Балашихи. — это и был наш деревенский куток. Вот, брат Кирилка, как тебя по батюшке-то величать, не знаю, так-то и жили.

Старик неожиданно рассмеялся, подстегнул конька, и телега весело вкатилась в Чарабаевскую рошу, из-за голых деревьев которой уже виднелись развалины старой барской усадьбы и невысокая церквушка с покосившимся крестом, та самая, которую заметил Кириюшка еще вчера, перед закатом.

Прямо за одичалыми развалинами, цепляясь один к другому, раскинулись заглохшие и заболоченные пруды. По берегам густо разрослись вербы, ольха и ракитник.

Дед Пантелей дал и Кириюшке острый нож. Он показал, какая нужна лоза и как ее срезать, чтобы не обрваться. А так как мудреного в этом было мало, то Кириюшка с азартом полез в самую гущу.

Через час работы на телеге лежала большая груда гибких пахучих прутьев.

Дед Пантелей показал Кириюшке, какая лоза нужна.

— За глаза хватит. Довольно! — скомандовал раскрасневшемуся Кириюшке дед Пантелей. — Давай, садись, отдохни. Да и я сяду, табачку закурю. А то на ходу курить тряско.

Но Кириюшке не сиделось. Пока старик поправлял воз, пока он свертлял да закуривал, Кириюшка шмыгнул на узенькую тропку и вскоре очутился перед развалинами чарабаевского имения.

Одиноко и печально торчали потрескавшиеся стены. Повсюду валялись поросшие травой кирпичи. Тяжело бабахнувшись, лежала расколотая и наполовину вросшая в землю каменная колонна. Тут же, неподалеку, высилась уцелевшая колоколенка без колоколов и не-

большая церковь с тяжелой дверью, на которой вместо замка был замотан узел ржавой проволоки.

Ярдом с кучей муравейника валялся чья-то позелевшая мраморная голова, но без уха, с оббитым кончиком носа. И по этой, неживой голове тихо лазали только что выползшие после зимовки, еще полусонные муравьи.

Так же как путешественник, который задумчиво останавливается перед обломками древних гробниц, перед руинами средневековых башен, так и Кириюшка, который слышал о помещиках только по рассказам, с молчаливым удивлением рассматривал остатки этой самой обыкновенной барской усадьбы: так вот где они жили...

Он постучал носком о выступ скользкого крыльцка и провел пальцем по холодной истрескавшейся стене.

Заслышав шорох, он обернулся и невдалеке от себя увидел человека.

Человеку этому было лет под пятьдесят. Бородатый, сутулившийся, с тяжелой дубинкой в руке, он стоял, прислонившись к стволу гнилой липы, и, повидимому, уже давно наблюдал за Кириюшкой.

— Стожор, — подумал Кириюшка. Но так как он никуда не залез, ничего не украл, то безобязанно посмотрел на незнакомого человека.

— Владать, не здешний парнишка? — негромко спросил человек и, подойдя поближе, он сел на каменную ступеньку.

— Нездешний, — подтвердил Кириюшка. — Мы с дядем Матвеем из города приехали.

— В Малаховку, что ли? — и, не дожидаясь ответа, чернобородый неожиданно попросил:

— А что, паренек, у тебя покурить нет ли?

— Так я еще малый, — с негодованием ответил покрасневший Кириюшка. — Разве же такие курят!

— Всякое бывает! Бывает ночью, что и такис. Кто вас разберет?

— Это только хулиганы курят, — убежденно возразил Кириюшка. — А разве я хулиган? — Он подумал, загнулся и уже с задором добавил: — Я пионер, а не хулиган. А, правда, дядя, есть в нашей школе один Павлушка Кукушкин, и стал он курить, а мы его взяли да из пионеров и выгнали.

Кириюшка остановился, ожидая что за это толковое рассуждение незнакомец похвалит его или просто улыбнется.

Но угрюмый человек не похвалил и не улыбнулся. Внимательно посмотрел он на Кириюшку и не сказал ничего.

Это не понравилось Кириюшке, он захотел тотчас же отправиться воявося, но все-таки задержался и услужливо предложил:

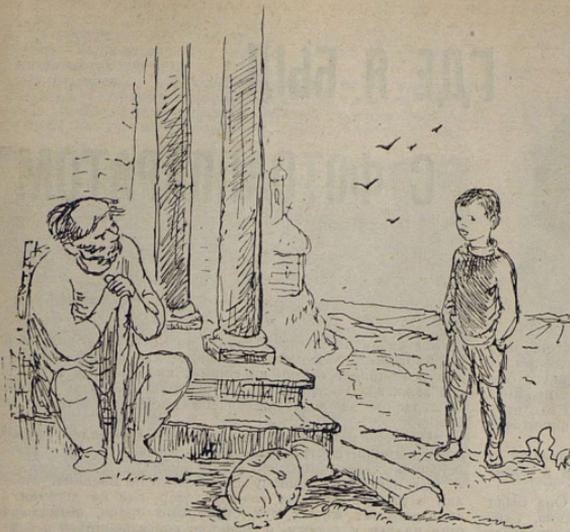
— А вы, дядя, пойдите со мною да у деда Пантелея попросите. Он тут, рядышком, возле лошади. Мы с ним лозу резать приезжали. Он как раз сидит возле телеги и курит.

— Это какой Пантелей? Малаховский? — быстро переспросил бородатый человек.

— Малаховский. Он живет, да бабка, да больше у них никого. У них, дядя, вчера избу чуть-чуть льдом не сдернули.

Бородатый постоял, повидимому, раздумывая, пойти или нет в ту сторону, откуда уже дед окликнул Кириюшку. Потом, не сказав ни слова, бородатый повернулся и быстро пошел через кусты в противоположную сторону.

— Тоже курильщик... — подумал обиженный Кириюшка и вприпрыжку побежал к поджидавшему его деду Пантелею.

Кирюшка увидел незнакомого человека.

На обратном пути они встретили целый обоз. На передней подводе сидели Калюкин и Сулин.

— Нарезали?—еще издалека заорал Калюкин, увидав телегу с грудой лозы.—Ну давай, давай, дедушка, плети, поторавливайся.

— Все в акурат будет,—не спеша ответил дед и сняв шапку, поклонился Сулину.— Далеко ли, Александр Моисеевич, поехали?

— В Каштымово, старик. В Каштымово...—ответил Сулин и, подмигнув Кирюшке, спросил:

— Что, брат, и ты трудодни зарабатываешь? Ну работай, работай... Это тебе не с пионерами трубы трубить.

«И что тебе дались эти пионеры?»—подумал смутившийся Кирюшка. Но пока он искал, что ответить, кони дернули, и весь обоз со стуком и грохотом прокатил мимо.

— Веселый человек,—задумчиво проворкотал дед Пантелей.—Баа-лышная голова.

Справа, на залытых лугах, два рыбака ставили мережи. Лодочка у них была маленькая, вертлявая, и Кирюшке казалось, что вот-вот она опрокинется.

— Ничего им не сделается,—объяснил дед Пантелей.— Это старик Сидор и Ермаила хромой. Они сроду к воде привычные. Ермаила-то вовсе без одной ноги. Ногу ему в солдатах оторвало. А как плавает! Одной ногой по воде тырк, тырк, да так затыркает, что иной и с двумя за ним не угонится.

— Дедушка?—спросил Кирюшка, вспоминая про вчерашнее.—А кого это на островке водой захватило? Он бежит, бежит, добежал, повертелся да как кинется, а лед хрр... хрр... А зачем он, дедушка, в ту сторону кинулся? Я бы в эту, а он в ту...

— А кто его знает? Ошалел, должно

быть, человек. Я и сам не разберу: охотник—не охотник. Рыбу у нас там тоже не ловят. И жилья там никакого нет, только что оставался шалаш от покоса. Кто его знает?—отказался догадываться старик.— Кто-нибудь чужой, а не наш деревенский.

Они под'езжали к Малаховке. С треском и лязгом навстречу выкатил трактор. Лошадка шевельнула ушами, скосила глаза и, раздвывая ноздри, зафыркала.

— Здорово, дед Пантелей, счастливый человек!—озорно крикнул молодой кудрявый тракторист и крутанул рулем, уступая дорогу.

— Здорово, Михайло Бессонов, непутевая голова!—сердито ответил старик и стегнул запряжившуюся лошадь, чтобы бежала быстрее.

— Это и есть Мишка Бессонов?—спросил Кирюшка, вспоминая вчерашние калюкинские ругательства.

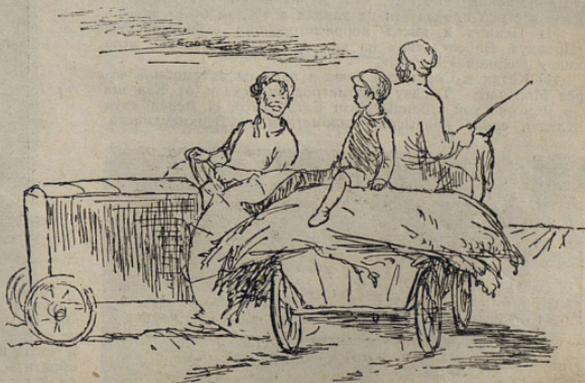
— Он самый,—с сердцем ответил старик.—И всем бы хорошо... И сам собой и в грамоте силен. А вот, пойдй ты... Такой оголтелый! На рождество достал он где-то, пес его возьми, монашью рясу, нацепил под клоук волосы и приходит в избу. Стал у порога и славит: «Рождество твое, христе боже наш, воссияй миру свет разуму...» Ну, кончил славить. Поздравил с праздником... Я, конечно, и говорю старухе: проси к столу, как заведено, закусить, конечно... выпить. Выпил он стопку, выпил другую, поклонился да и марш дальше. А потом, когда моя старуха узнала, так чуть меня со свету не сжила. А я-то при чем? Ну монах, думаю, и монах.

Но Кирюшка, которому очень понравилось такое забавное дело, громко рассмеялся. И вдруг ему показалось, что, может быть, этот Мишка Бессонов вовсе уж не такой плохой человек.

Улыбнулся и дед Пантелей. Он погрозил Кирюшке кнутовищем и, останавливая лошадь, сказал:

— Ну, я здесь отверну. А ты беги. Приходи в другой раз... корзинки плетть научу. Да только смотри: в избу в шапке не заходи, а то у меня бабка, беда, какая строгая. Сразу выгонит.

(Продолжение следует).

— Здорово, дед Пантелей, счастливый человек!—озорно крикнул молодой кудрявый тракторист и крутанул рулем, уступая дорогу.

С. М. Тветьяков

Было лето 1923 г. Я работал в театре Пролеткульта вместе с Сергеем Эйзенштейном. Он был режиссером, я писал ему пьесу «Слышишь, Москва?!». В этой пьесе было про германских фашистов и рабочих, которые поднимают восстание во время фашистского праздника. В это время по Германии множились дружины красных фронтовиков.

Мы ждали, что осенью вспыхнет новая революция в Германии, которая сметет фашистских генералов и социал-демократических министров.

Как раз в это время я получил телеграмму. Она была из главного города Китайской республики — Пекина. Сейчас вы этого города не найдете. Он уже переименован в Бейпинг. Этой телеграммой меня пригласил Пекинский национальный университет читать студентам-китайцам лекции по русской литературе.

В феврале 1924 г. я выехал в Пекин.

В Китае я был полтора года. Изю дня в день я наблюдал, как он живет, присматривался, чем дышат китайские студенты, отмечал первые озлобленные вспышки гнева темных китайцев против угнетателей: так солдат Ли И-юань, которого избили за то, что он попытался прогуляться в Пекине по городской стене, прилегающей к посольскому кварталу, избил в отместку нескольких европейцев.

Я был в Пекине, когда вокруг него велась генеральская война и на улицах города стояли баррикады из повозок. Встречал Сун Ят-сена, приехавшего в Пекин. А через месяц Сун Ят-сен умер, заставив Китаю держаться крепко за своего вернейшего друга — за Советский союз.

Я со своим фотоаппаратом был в толпах пекинцев, хоронивших вождя китайской революции, а потом, когда японцы и англичане в Шанхае расстреляли безоружных рабочих и студентов, я был чуть ли не единственным журналистом, который осмеливался появляться на кипящих гневом улицах Пекина, где шли демонстрации против империалистов, бившихся о стальные, в те дни закрытые караулами ворота посольского квартала.

Единственным потому, что журналистам империалистических стран появляться на улицах в те дни было опасно.

Из Пекина я писал корреспонденции в московскую «Правду». Впоследствии из них я составил первую мою книгу очерков «Чжунго».

Из Китая в Советский союз я ехал на автомобиле через Монголию. Тысячу километров мы ехали от Калгана до монгольской столицы Улан Батор-хото. И, отдохнув неделю, ехали полтысячи километров до Верхнеудинска.

Стальные ворота посольского квартала.

ГДЕ Я БЫЛ С ФОТОАППАРАТОМ

Мы ехали по древней тропе, по которой ходил на Китай монгольский завоеватель Чингис-хан. Аппарат мой снимал и глиняные баши на горных хребтах, где в древности зажигали костры в случае опасности, и этим огненным телеграфом за несколько часов предупреждали о беде Пекин.

Мы останавливались на «станках» (так здесь называются станции, построенные из сохшейся глыны и старых бензиновых жестянок).

Мы пересекли границу Внутренней и Внешней Монголии в районе мертвых соляных озер, где на десятки километров нет живых существ кроме орлов, обглядывающих падалу у дороги, и антилоп, состояющихся с самым быстрым автомобилем.

Потом мы увидели «црииков» — бойцов монгольской армии, монгольских комсомольцев и пионеров, и в столице Монголии встречали прилетевшую из Москвы эскадрилью самолетов, переделавших великий перелет: Москва — Пекин.

„Цриики“ — бойцы монгольской армии.

Мы ехали в Верхнеудинск вдоль реки Селенги. Слева от нас сидело в горной котловине озеро Гусиное. Оно было красиво в те дни только своей сиревой. Мы еще не знали, что оно красиво своими алюминиевыми рудами. Я тогда не думал, что мне придется через пять лет снова обратиться мыслью к этому озеру, собираясь в поездку на Ангарстрой.

1927 год кинул меня в Закавказье. Я работал в грузинских киноорганизациях. Под Тифлисом только что построилась электростанция ЗАГЭС. Электричеством ЗАГЭС

ослепительно освещая Тифлис. Злые остряки вышучивали электростанцию: «Некуда, мол, ее тока девать. Стоишь ли ее строить?». Они не знали, что через пять лет придется расширять эту станцию, а Тифлис значительно потемнеет, отдавая весь ток моторам фабрик и заводов, выстроивших пятилеткой.

В это время я полупутешествовал по горным странам Закавказья. Особенно запомнилось путешествие по ущелью реки Ингура, где на крутых склонах снежных гор стоят древние башни интереснейшего народа — сванов.

В горах Сванетии.

Пришел 1929 год. В студеные февральские дни отправлялись в пробный кольцевой поход новосозданные наши конструкторы машины для стремительных зимних поездок — аэросани.

Холод был 35 градусов. При беге 70 км в час эта стужа в открытых санях повышалась градусов до 60. Мы шли дорогами, с'езжали на рыхлую целину, спускались с гор, вылетали на ровную гладь, и на реке нас постигла катастрофа, в которой, к счастью, не погибли наши товарищи. Двое саней ночью провалились в Волгу там, где теплые воды, шедшие с береговых фабрик, подточили лед.

Начиная с 1928 г., я пошел на работу в колхозы. Не для того, чтобы мельком взглянуть на них, написать книгу и уйти, а для того, чтобы, войдя в их жизнь, не вынуждаться из виду и, наблюдая год за годом, рассказывать во многих книгах, как они живут, борются, растут и выходят к социалистической жизни.

Аэросани перед стартом.

Я уже написал три книги о колхозах. Если посчитать фотографии, снятые мною там, их, пожалуй, будет тысяча четыре.

В 1930 г. моему фотоаппарату задали работы за границей. Я ездил по Германии, Дании, Австрии и читал доклады про колхозы и про работу Советского писателя. Я знако-

Колхозная молотба.

мился с зарубежными революционными писателями, писал очерки про то, что я вижу, изучал заграничную деревню, чтоб сравнить ее с нашим советским селом, наблюдал, как нарастает фашизм и как от него отбивается пролетариат. Я снимал все: встречных людей, движение на улицах, витрины магазинов, афиши на столбах, демонстрации, лотки торговцев, кладбища.

Сразу же, приехав из Китая осенью 1925 г., я попал на страницы журнала «Пионер» и с этого времени прочно прижился в пионерской литературе.

Демонстрация германских работниц.

Тем, что работаю в пионерской прессе, я очень доволен и работа эта мне много помогает. Дело в том, когда пишешь, то всегда, пусть смутно, представляешь себе какого-то условного читателя. Так вот, когда я пишу, то условного читателя я представляю себе в виде очень активного, любознательного, изобретательским электричеством заряженного пионера в возрасте примерно четырнадцати лет.

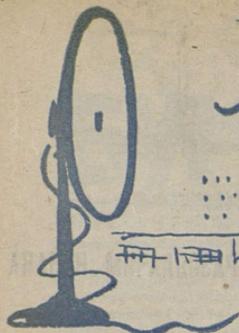
Когда мне говорят, что это может снизить литературный уровень вещи, я рассказываю про свою китайскую поэму «Ли-ян упрям». Написал я ее в 1926 г. для пионерской книжки по заданию изд-ва «Молодая гвардия». Но вещь эта попала в редакцию «Правды» и была там принята и напечатана как самая что ни на есть взрослая вещь.

С «Пионером» дружу охотно и дружба эта обоюдная. То интересное в пионерии, что мне встречается на моем литературном пути, юнаты ли, моделисты, колхозные дозорные, обычно несущие страницам «Пионера».

И, наоборот, «Пионер» связывает меня с интересными ребятами (школьниками, деткорами), с некоторыми из них переписываюсь издавна и систематически, следя за тем, как они растут.

Пионерское утро

Стихи Н. Асеева
Рис. Ф. Полищук

По утрам,
по утрам,
Разрывая тишь молчанья,
Кто приходит в гости к нам?
Голос радиовещанья.
«Вставайте, вставайте!
Вас утро ждет,
Не жми подбородок к колену,
Кто весел и молод — не медлит тот
Растить в большевистскую смену!»

По утрам, по утрам
Белый пар взбивает чайник
И летит по всем углам
Голос радиовещанья:
«Вставайте, вставайте!
Вас ветер ждет,
Не жми подбородок к колену,
Кто весел и молод — не медлит тот
Растить в большевистскую смену!»

День открыл свой свежий рот,
Небо в зареве веселом:
Вас вода и мыло ждет,
Ждут учебники по школам.
День открыл свой свежий рот.
В небе звезды молча гаснут
И заря стоит во фронт,
Пионерский вздевши галстук.
По сугробам огоньки,
Кто проснулся — смотрит в оба,
Ждут салазки, и коньки,
И веселая учеба.
Ждет советская земля,
Ждут колхозы, ждут заводы,
Ждут пригорки и поля,
Горы ждут, леса и воды.

Раньше жизнь была плоха,
Рано люди были седы,
Встарину по петухам
Просыпались наши деды.
Под щекой — соломы клоч,
Тяжело вставалось раньше,
И старинный петушок
Под окном кричал и кланчивил:

«Дети, в школу собирайтесь,
Петушок пропел давно,
Попроворней одевайтесь,
Смотрит солнышко в окно».

Но ходить по школам
Невозможно голым!
А сапог имелась
Пара на троих,
Потому ребятки
Жили в беспорядке,
Книжек не имели
И не знали их!

«Вставайте, вставайте!
Страна вас ждет,
Не жми подбородок к колену!
Кто весел и молод — не медлит тот
Расти в большевистскую смену!»

Пионер —
проснулся всрок,
Занят важными вещами,
Это вам —
не петушок!
Это —
радиовещанье.
У него кругом дела,
Жизнь вокруг бушует шумно,
Все ему страна дала,
Чтобы стать большим и умным.

Все заботятся о нем,
На него всех дней затрата:
Хочешь будешь агроном,
Хочешь станешь авиатор.

Он и сам к тому привык,
Чтоб сквозь книги и тетрадки
Вырос крепкий большевик
По работе, по ухватке.
Нам не жить по петухам,
Нам везде открыты школы,
Так греми, не затухай,
Голос радио веселый!

«Вставайте, вставайте!
Страна вас ждет,
Не жми подбородок к колену,
Просторы и горы и светлость вод
Зовут большевистскую смену!»

Мы ставим сети на зайцев.

РАБОТАТЬ ХОЧЕТСЯ ВОВСЮ

Рассказывает и рисует художник П. Кузьмичев.

В разных условиях нам приходится работать, о разных вещах рассказывать и многому, многому учиться.

Иной раз будешь рисовать то, что встречаешь каждый день, шага не сделав, иногда говоришь о виденном годы назад и в детскую пору. А вдруг о таком предмете нужно бывает рассказать, которого никогда в жизни не видал, существует он на полке какого-нибудь музея с возрастом примерно 5000 лет, такой уж он старый.

Вот о нем и рассказываешь рисунком, конечно.

Самое интересное — это сегодняшнее, тут уж сам участвуешь, тобой пережито — живое, а жизнь всегда интересна, для нас, художников, она первый учитель.

Осенью в 1933 г. был я в уральских колхозах, много работал у колхозников, очень много интересного получил. А совсем недавно я с пионерами-юнатами в «подмосковную тайгу» ездил. Кучу заданий мы выполнили с ребятами в заповеднике, много хорошего увидели. И все это примерно в 15 км от Москвы: глухой, черный лес около 400 кв. км, в будущем это один из парков Москвы, а пока в нем ходят красивые косули, лисицы, зайцы вытаптывают тропы, тетерева вылетают из снега словно снаряд из пушки, ласка хлопотливо выслеживает живую добычу, белка отыскивает орешек под глубоким снегом.

Мы немало пошумели, неудачно загоняя зайцев в сети для зоопарка!

А вечером после ужина в тесной сторожке лесничего составлялись дневники наблюдений, обрабатывался собранный материал, зарисовывалось виденное и до самого сна рассказы о дневном, наверно уж не был прекрас.

Среди серьезных вещей и событий часто видишь и смешные мелочи. Как-то осенью сидел я — отдыхал, а передо мною воробей траву какую-то короткую пощипывали. Один воробей ухватился за травинку, не по силам, видно, попалась, тянул, тянул да вдруг как упадет и совсем не по-воробьиному — набок, и лапы

кверху. Остальных-то воробьев как напугал! А под конец и сам от испуга в воздух бросился.

Первый раз я видел, как воробьи с «ног» валятся!

Хотел я еще рассказать, как одна коза «Машка» траву щипать не умела — в городе выросла, да пожалуй редактор скажет: «Это ты все не о себе рассказываешь!» — и прав окажется.

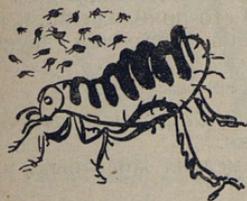
Ну, а о себе я скажу, что люблю жизнь как и вы ее, ребята, любите, а где жизнь, там и работать хочется всюю.

Говорят, что тут я похож, но я не уверен, хотя рисовал сам.

БИОСКОП

ИЛИ СООБЩЕНИЯ ИНЖ. ГИДРОЛЮБОВА
О ВЕЩАХ МЕЛКИХ И КРУПНЫХ, ВИДИМЫХ
И НЕВИДИМЫХ, ОТДАЛЕННЫХ И БЛИЗКИХ,
ИЗВЕСТНЫХ И НЕИЗВЕСТНЫХ

Есть ли у блохи свои блошинные блохи?

Такой вопрос впервые задал в своей книге «О размерах животных» греческий философ Аристотель. Теперь на этот вопрос мы можем ответить более или менее утвердительно. Ученые давно уже обнаружили, что на многих насекомых, в том числе и на блохе, живут мельчайшие паразиты.

Не так давно в Ленинграде был открыт паразит на паразите в кишечнике таракана. По своим размерам это уже даже не «блошинная блоха», а блоха блошиной блохи.

Если бы все население земного шара разом окунулось в Ладожское озеро, то уровень воды в нем поднялся бы чрезвычайно невысоко, всего на толщину серебряного рубля!

Луна отстоит от нас довольно близко.

Если бы на ней был построен пароход или дирижабль, то в хороший телескоп эти предметы можно было бы увидеть с земли.

Для некоторых микроскопов на оптических заводах готовят необычайно маленькие увеличительные стекла.

Размер каждого такого стекла не превышает зернышка пшеницы.

Эту стеклянную соринку отшлифовывают самым тщательным образом, с упомрачительной точностью.

Разглядеть как следует это увеличительное стекло можно только с помощью другого увеличительного стекла.

После обработки кусочек простого стекла становится одной из самых дорогих вещей на земном шаре.

Бриллиант в несколько раз дешевле его, и только один радий по своей цене превосходит это мельчайшее чудо оптического искусства.

Кусочек золота такой же величины почти ничего не стоит.

Самая маленькая книга была написана одним монахом при помощи тонкого вороньего пера. Она помещается в скорлупе ореха. Читать ее можно только через увеличительное стекло.

Шумы и стуки превращаются в «музыку», когда они быстро следуют один за другим, через равные промежутки времени.

Если бы можно было заставить карманные часы тикать быстрее, положим, 100 раз в секунду, то отдельные тиканья не были бы слышны и слились бы в музыкальный тон.

Если бы удары крыльев голубя совершались с такой же быстротой, то полет его в воздухе сопровождался бы музыкальным тоном.

У некоторых пород колибри эта скорость достигается.

Если бы пыхтения паровоза следовали друг за другом достаточно быстро, то его приближение к наблюдателю сопровождалось бы органным звуком огромной силы.

Несколько лет назад были открыты новые, так называемые сверхмощные звуки.

Эти звуки могут убивать мелких животных: мышей, лягушек и т. п.

Сверхмощный звук, пропущенный через банку с водой, в которой плавают рыбки, умерщвляет их в несколько секунд.

Человеческое ухо этих звуков не слышит.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ

если фотография на 19 стр. «Пионера» № 4 изображает напильник в стружках?

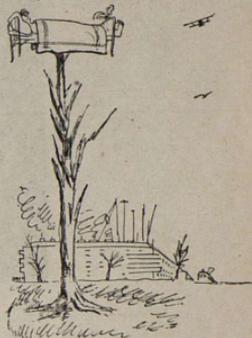
НАКОНЕЦ У КАНЕВСКОГО

(Окончание, начало см. на I и II стр. обложки и на стр. 5, 7 и 13)

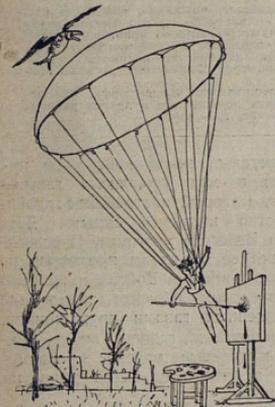
Рисовал про себя и про Тут-Итама сам художник А. Каневский

10. Так я гулял, перед тем как был у меня Тут-Итама.

11. Потом я отдохнул в саду оноло дома.

12. Так я делал рисунки для журнала „Пионер“.

13. И вдруг увидел несчастного Тут-Итама.

14. Скорее мыться!

15. Теперь Тут-Итама приветствует „Пионер“, и я присоединяюсь к его горячему приветствию.

А. Каневский

Войска штурмуют дом Карла Маркса в Вене.

РАССКАЗЫ ФЛОРИСДОРФСКИХ РАБОЧИХ

14 февраля поднялся против наступления фашистов рабочий Австрии. Коммунистическая партия в Австрии еще не велика. Большинство рабочих находилось под влиянием социал-демократических вождей. Эти люди, которые называют себя социалистами, на самом деле правые помощники буржуазии и предатели рабочих. Они вечно стараются удержать рабочих от борьбы, а когда рабочие выступили, то сражались отдельными отрядами, без единого руководства. Вожди дезертировали.

Героически дрались рабочие на баррикадах Вены и других

австрийских городов, но преданные «вождями», они были разбиты. Однако они дрались не напрасно. Они показали всему миру пример пролетарского мужества, которое привело бы к победе при революционном руководстве. В бою многие из них поняли, что, кроме фашистов, их врагами являются социал-фашисты, что только под знаменем Красной Армии рабочие придут к победе.

Мы печатаем рассказы защитников Флорисдорфа. Это рабочий район Вены, где рабочие дольше чем в других районах держались против правительственных войск.

Мы в Флорисдорфе, в отличие от других районов Вены, решили не защищаться, а наступать вопреки тому, чего требовали социал-демократические руководители. Мы потому так упорно дрались все 4 дня, даже тогда, когда уже было ясно, что дело в военном отношении проиграно, что до последней минуты надеялись на то, что наш пример увлечет остальные районы, что и они перейдут от обороны к наступлению. А переход к наступлению неизбежно вызвал бы огромный подъем масс. Весь пролетариат слился бы воедино в общем порыве — победить во что бы то ни стало. Дрались бы вся масса, а не только шцубунд (военная организация рабочих).

Когда мы в Флорисдорфе получили 11 февраля телеграмму от дружинников Линца, соседнего города, о том, что они начали борьбу против правительственных войск хеймвера и требуют нашего немедленного выступления и объявления всеобщей стачки, мы сказали себе:

«Час пробил. Все к оружию! К чорту переговоры с правительством! Они позволяют ему выигрывать время и стянуть против нас войска. Австрийская пролетарская революция началась, ее исход может быть решен только оружием!»

В своем районе мы постарались вооружить возможно больше рабочих. 12 февраля, когда была объявлена всеобщая стачка, мы вышли на улицы, захватили все полицейские участки и разоружили полицию. Наши отряды заняли все стратегически важные здания и участки. По плану трусливых, руководители в Флорисдорфе, как и всюду, должны были ограничиться лишь защитой жилищного комбината. Мы сами расширили свои стратегические задачи. Мы создали не одну, а три линии обороны. Не дожидаясь подхода правительственных войск, мы старались выдвигаться далеко вперед на подступы к Флорисдорфу, чтобы вести бой на возможно более широком фронте и сжечь противника в кольцо.

Первый же день к нам на помощь выступила пожарная дружина во главе с т. Вейсселем. Их было немного — всего 60 человек. Но они прекрасно дрались. Эта дружина была нашим заслоном и приняла первый бой с правительственными войсками. Дружина в течение целого дня выдержала бой с превосходящими ее в десять раз силами противника. Мы поддерживали ее, открыв огонь по противнику из наших пулеметных гнезд и, несомненно, она не сдалась бы, если бы

правительственные войска не пустили в ход удушливые газы, — факт, который австрийское правительство пытается скрыть. Дружина Вейсселя дрогнула. Преследовавший ее по пятам противник не пощадил никого. Войска и жандармы зверским образом закалывали отравленных газами дружинников.

Несмотря на газовую атаку, правительственные войска продвинулись в этот день всего лишь на 120 шагов.

За ночь правительственные войска подвели артиллерию, начался обстрел домов. Бомбардировка продолжалась целый день без желательного для правительства результата.

Особую роль в этот день сыграли наши снайперы. Когда под прикрытием артиллерийского огня правительственные войска пытались приблизиться к нашим позициям, снайперы задержали их приближение. Это позволило нам сделать обходной маневр.

В ночь на 14 мы имели перевес над противником. Наше упорное сопротивление деморализовало правительственные войска, и находившиеся на флорисдорфском фронте воинские части были отозваны и заменены к утру свежими.

Но и подождевшие части не решились вступить в бой с нами. Не

Полиция отвозит группу арестованных дружинников в тюрьму на грузовике, реквизированном для этого у колбасного торговца.

захватив нас в открытом бою, командование правительственных войск прибегло к следующему чудовищному приему: оно выставило на передовую линию нашего огня пролетарских женщин и детей, принятых из других районов, прекративших борьбу, а за ними выстроила свои войска. Таким образом если бы мы продолжили стрельбу, то в первую очередь пали бы жены и дети рабочих. Одновременно было подвезено еще несколько артиллерийских орудий, началась новая обстрел домов. Мы не могли стрелять по женщинам и детям и решили рассыпаться по флангам и начать фланговую атаку.

Учтите, что к этому времени мы находились в бою уже 60 часов, не имея во рту маковой росинки. Мы сконцентрировались в Эдлердорфе и там начали новую атаку правительственных войск. Против нас были двинуты два броневика. После упорного боя мы вывели оба броневика из строя и овладели ими, используя их для баррикад.

Так прошло 14 февраля. 15 начался ураганный артиллерийский обстрел наших домов. Начались пожары. Женщин и детей мы направили через подземные каналы в другие районы, а сами отошли на последнюю линию обороны — на газовый завод.

В течение дня мы получили несколько ультиматумов от командования правительственных войск — очистить газовый завод. Мы неизменно их отвергали.

Утром 16 командование прибегло к следующему приему: оно вывело на линию нашего огня зако-

ванных в цепи дружинников, взятых в плен в других районах Вены. Сети несли плакат: «Бои в районах Вены кончились. Прекратите бесцельную борьбу. Если вы не очистите газового завода, начнется артиллерийский обстрел. Не стреляйте, пощадите нас!».

Мы собрали совещание и решили прекратить борьбу. Но мы тут же решили ни в коем случае не сдаваться войскам и хеймверах, а отступить в боевом порядке к чехословацкой границе.

Небольшой группой, имея три пулемета, ручные гранаты и карабины, мы с боем двинулись к границе.

Мы шли лесами. За нами были

посланы полицейские самолеты и броневики. Мы прошли 70 километров до границы в непрерывном бою и, лишь прибыв на территорию Чехо-Словакии, бросили в пограничную реку оружие.

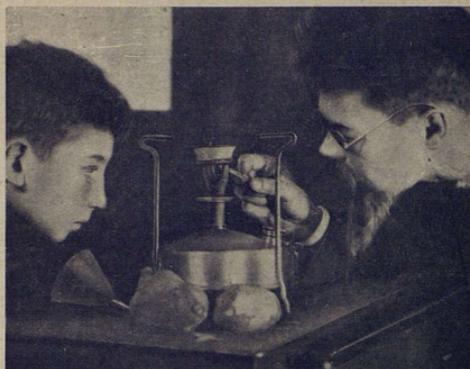
Всего нас, защитников Флорисдорфа, было 800. Часть пала в боях, часть ранена, часть не успела вырваться из домов. Силы противника, действовавшие против нас, составляли не менее 5 тыс. человек. Но если бы у нас было хоть только два орудия, Флорисдорф был бы тогда в полном смысле неприступной крепостью.

Особо мы хотим отметить поведение коммунистов, которые дрались героически до конца.

Разоружение взятых в плен рабочих-дружинников во дворе дома, захваченного войсками. Захваченных с оружием в руках ждет виселица — таков закон победившей буржуазии.

ИНЖЕНЕР ГИДРОЛЮБОВ В ПРИМУСЕ

Гидролюбов ткнул прочищалку в отверстие примусной головки.

НЕ ХОТИТЕ ЛИ ЗАЙТИ В ПРИМУС?

Начало я прозевал. Гидролюбов открыл дверь, уже весь выпачканный сажей.

— Лопатин, — вы понимаете что-нибудь в примусе?

— Почти ничего.

— В таком случае вы мне не нужны. Ступайте домой. Спокойной ночи!

Гидролюбов резко повернулся и зашагал в кухню. Я не послушался хозяина и отправился за ним.

В кухне едко пахло копотью. На столе валялась картошка. Тут же стояла почти пустая бутылка из-под керосина, а посредине грязный примус. Около него возились Юрка и Гидролюбов. Они спорили, нервничали, чиркали спичками и жгли керосин.

Сначала примус горел каким-то кривобоким огнем. Гидролюбов ткнул прочищалку в отверстие примусной головки. Примус начал чадить. Тогда за иголку взялся Юрка. Пламя окончательно потухло. Юрка сердито швырнул прочищалку в угол.

— Кончено, дядя. Примус гореть не будет. Сегодня мы без обеда.

— Рано отчаиваться, мой друг. Достаточно мне заглянуть в примус и рассмотреть его отдельные механизмы и тогда...

Как раз в этот момент в кухню вошел Махалов, наш общий друг и хитрый фотограф.

— Что я слышу! Инженер Гидролюбов хочет залезть в примус?

— Не совсем так: я хочу лишь как следует рассмотреть его механизмы.

— В таком случае за дело! Всех вас — и Юрку, и Гидролюбова, и Лопатина — я сделаю маленькими. Вы будете ростом не больше черного таракана и прекрасно сможете путешествовать в примусе. Вы будете лазать во всех его механизмах. А я буду вас снимать. Согласны?

Я решительно отказался. Меня не привлекала прогулка по грязному, вонючему примусу. К тому же я ни на секунду не верил Махалову: фотографы любят приврать.

— Лопатин, вы струсили? Тем хуже для вас... Итак, в путешествие отправляется двое: Юрка и Гидролюбов. А вы уходите из кухни и дожидаетесь в прихожей до тех пор, пока я вас не позову. Никто не должен видеть, как два отважных путешественника готовятся в путь. Это мой секрет... Скорей, скорей, Лопатин, не задерживайте!

Минут десять пришлось сидеть в прихожей на сундуке и курить трубку. Я был убежден, что Махалов шутит.

Инженер Гидролюбов — и вдруг роет с таракана!

Какая ерунда!

ПОДЪЕМ НА КАПУСТНУЮ ВЕРШИНУ

— Лопатин! Милости просим!

Вошел в кухню. У плиты стоит Махалов. Перед ним фотоаппарат.

— Где Гидролюбов?

Махалов смеется.

— Спрятался?

На столе что-то пискнуло. Как будто, придавили мышью... Подошел ближе...

У примуса действительно стоят Юрка и Гидролюбов. Каждый ростом с небольшую луковичку, и говорят пискливыми мышиными голосами.

Это было удмирительное зрелище.

Подставил спящую коробку, она оказалась слишком низкой. Юрка влез Гидролюбову на плечи, но дядя не мог удержать племянника. Подкатили к примусу картофелину, чтобы с нее вскопичить на примус, но это было еще труднее, чем карабкаться по скользкой и отвесной металлической поверхности.

Наконец отыскали кочан капусты. Подкатили его к примусу. Ступени в кочане вырубали моим перочинным ножом и маленькими ножницами. Лестница оказалась крутой и кособокой.

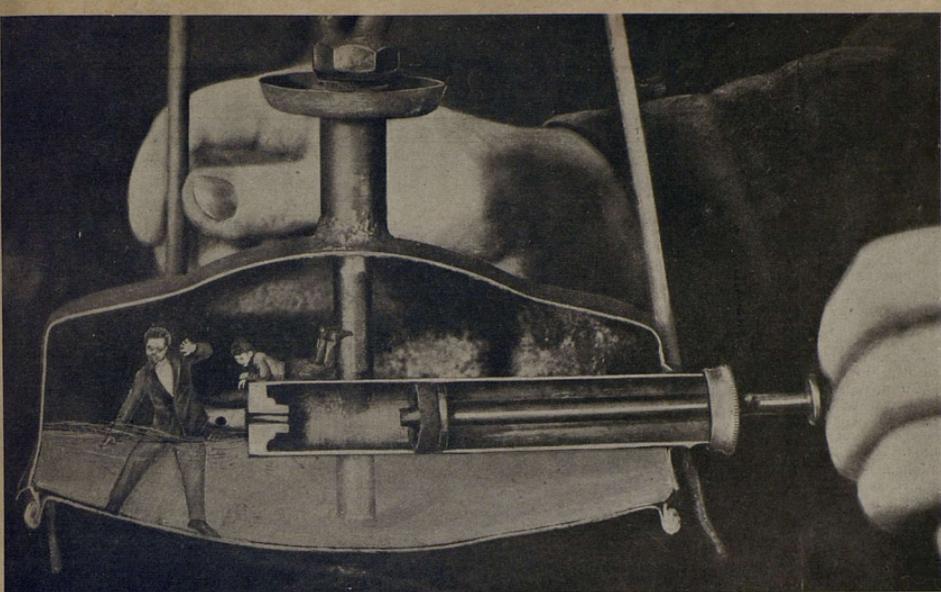
Рискуя жизнью, Гидролюбов первым достиг капустной вершины. Взобравшись, он обратился ко мне с речью:

— Лопатин, вы будете очевидцем нашего необычайного путешествия. Я попрошу тщательно все записывать. Но только пожалуйста ничего не придумывайте сами. Юрка, вперед!

— То, что вы прочли до сих пор, я писал дома, вернувшись от Гидролюбова. То, что вы прочтете ниже, записано в кухне у примуса.

— Глубина керосина — 2 см, апокне достаточно. Однако примус не горит?..

Струя воздуха со свистом вырывается из узкого отверстия.

НЕУЖЕЛИ ПОЛЕЗУТ?

(Юрка и Гидролюбов стоят на примусе у отверстия, куда вливают керосин. У Гидролюбова ужасно гордый вид. Но Юрка немного трусит).
Гидролюбов. Итак, Юрка, мы начинаем наше путешествие... Лопатин, я попрошу вас записать цепь моих рассуждений.

Что такое примус? Машина, работающая керосином. И если эта машина не работает, значит прежде всего надо выяснить, есть ли в ней керосин. Поэтому предлагаю отвинтить крышку и заглянуть внутрь.

Гидролюбов. Глубину океана капитаны кораблей измеряют лотом. Глубину реки определяют шестом. У нас нет ни того ни другого.

Юрка. Я предлагаю карандаш. (Даю им свой запасной. Обращаясь к ним как с бременом. Гидролюбов вытаскивает его из отверстия, обняв обеими руками и прижав к животу).

Гидролюбов. Глубина керосина 2 см. Вполне достаточно. Однако при-

мус не горит. Значит надо продолжать исследования...

...Я вижу кожу на обратной стороне развинченной крышки. Обычно это делается для того, чтобы плотнее закрыть отверстие. Тут же в примусе я обнаруживаю шток от воздушного насоса...

Совершенно ясно: конструктору примуса необходимо накачивать воздух внутрь резервуара и он не желает, чтобы этот воздух выходил через отверстие для керосина. Очевидно, воздух нужен ему для чего-то другого. Значит мы должны обследовать качество кожи на крышке и работу насоса. Первое я поручаю тебе, Юрка, а второе беру на себя.

(Юрка еле справляется с крошечной дупой, которую он получил от Махалова. Исследует очень тщательно, но никаких изъянов не обнаруживает.

Решают лезть внутрь примуса. Неужели действительно полезут!

Странно: Махалов просит меня на минутку выйти из кухни. Зачем?)

Я РЕШИТЕЛЬНО ПРОТЕСТУЮ

(Вхожу. Примус на месте. Но Махалов совершил новое чудо. Мне кажется, он разрезал примус пополам. Ясно видны внутренности: цилиндр воздушного насоса, поршень и даже керосин. Не понимаю, как керосин не выливается? Или, может быть, Махалов ничего не резал, а только сделал прозрачной переднюю стенку керосинового резервуара?

В керосине стоит Гидролюбов. Керосин доходит ему до пояса. У Гидролюбова кислая физиономия. Еще

бы! Едва ли приятно купаться в керосине).

Гидролюбов. Я хочу проверить действие насоса. Махалов, пожалуйста, толкните поршень.

(Махалов толкает. Но очевидно слишком сильно. Струя воздуха со свистом вырывается из узкого отверстия. Она поднимает волну на керосиновом озере. Брызги хлещут в лицо Гидролюбова. Срываю очки. Едва не опрокидываю).

Юрка. Дядя, что с вами?

Гидролюбов. Все замечательно! Насос работает прекрасно! (Гидролюбов влезает к Юрке на цилиндр насоса. Садится рядом с ним, сохнет и отдыхает. А я думаю о насосе.

Мне прекрасно видно его устройство: цилиндр, в цилиндре поршень, от поршня идет шток и выходит наружу. Когда толкаешь поршень от себя, он сжимает воздух в левой части цилиндра и вталкивает его внутрь резервуара... А как дальше? Каким образом новая порция воздуха попадает в заднюю часть цилиндра? И вообще как работает этот воздушный насос?.

...Гидролюбов подох и отдышался).
Гидролюбов. Мы подходим, Юрка, к последнему звену наших исследований. Если керосин налить, поршень работает исправно, крышка закрывается плотно, значит неполадки надо искать в трубах горелки... Итак, в горелку, Юрка! Захвати с собою метлу, она нам понадобится.

(Я решительно протестую! Путешественники могут попасть в горелку только через трубу, которая опускается своим нижним концом в керосин, а верхним соединяется с горелкой. Им придется нырять, и притом так хитро, чтобы под керосином влезть в отверстие трубы. Конечно, они не смогут этого сделать и захлебнутся.

Я протестую!
 К моему удивлению Махалов быстро соглашается. Он только просит меня снова выйти из кухни на несколько секунд, пока он не перетачит путешественников в горелку.

Сижу в прихожей и думаю о хитром фокусе Махалова и о том, как может керосин подниматься из резервуара к горелке. Ничего толкового придумать не могу. Оказывается, в примусе масса загадок.
 Приглашают в кухню).

СЛИШКОМ МНОГО ЗАГАДОК

(Снова чудо!
Теперь уже разрезаны (или просвечивают?) трубы горелки. Ясно видно, как соединяется с ними высокая труба, опущенная в керосин.

Юрка сидит. В руках у него метла. Он ожесточенно очищает ею копыт, толстым слоем наросшую на стенках трубы.

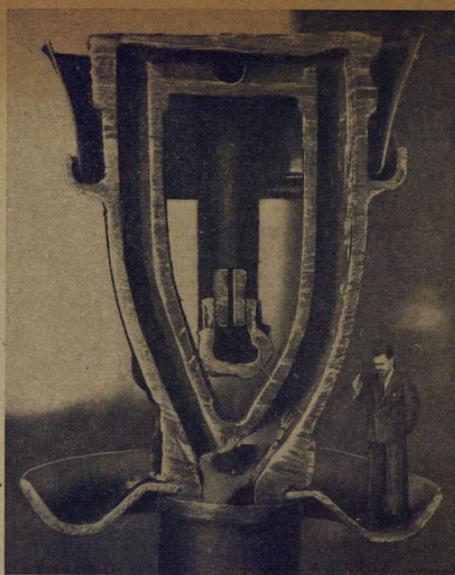
Гидролюбоб почему-то в трубу не полез. Он стоит на чашечке, в которую наливают бензин, и уверяет, что трубы надо обязательно прочистить, иначе примус не загорится.

Не понимаю, как могла здесь образоваться копыт? Ведь по этим трубам идет керосин и горит только в узеньком отверстии, до которого еще очень далеко. Или может быть здесь проходит не керосин, а керосиновые пары, о которых вполголоса говорят Гидролюбоб с Юркой? Но разве это что-нибудь меняет?

Ничего не понимаю. Слишком много загадок.

Наконец, все трубы прочищены. Метла опять выгоняют в прихожую. Возвращаюсь и снова нахожу целый, непрозрачный примус. Он горит ярким пламенем. Гидролюбоб влез на примусную ножку и оттуда торжествующе кричит Юрке).

Гидролюбоб. Тот, кто кое-что понимает в физике, никогда не пропадет!

В руках у Юрки метла. Он ожесточенно очищает ею копыт.

ГИДРОЛЮБОВ ОБЕЩАЕТ ВСЕ ОБЪЯСНИТЬ

Когда снова сидя в прихожей я увидел Гидролюбоба и Юрку здоровыми, живыми и, главное, нормального роста, я решительно потребовал от Гидролюбоба объяснения махаловского фокуса и загадок примуса. Вопросов было так много, что я переписал их на отдельной бумажке.

1. Каким образом Махалов уменьшил рост Гидролюбоба и Юрки и посадил их в примус?
2. Как работает воздушный насос примуса?
3. Каким образом керосин добывается из резервуара до горелки?
4. Зачем предварительно разжигают бензин в чашечке горелки?
5. Что починил Гидролюбоб в примусе?

Гидролюбоб предложил эти вопросы напечатать в «Пионере» и согласился отвечать всем ребятам, которые попытаются разгадать эти задачи.

Разгадку Гидролюбоб обещает дать в № 7 или 8.

Пишите мне письма по адресу: Москва Центр, ул. Горького, 8, «Пионеру».

ПЕРЕПИСКА С ИСЛАНДИЕЙ

В ответ ФРОНШТЕЙНУ и БЫХОВСКОМУ

Дорогие товарищи, пионеры Исландии!

Мы хотим с вами переписываться. В этом письме мы вам расскажем о нашей, советской школе, о том, как мы учимся, как проводим свободное время, выходные дни. Итак, мы начинаем свой рассказ.

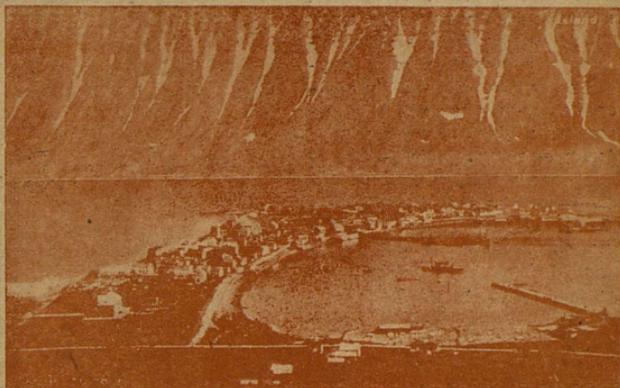
В школе, где мы учимся, занятия второй ступени происходят во вторую смену, т. е. начинаются в 2 часа дня. Перед занятиями у нас каждый день происходит линейка. На линейке проверяют посещаемость школы и делают политинформацию. После линейки у нас начинаются занятия. Урок у нас продолжается 45 минут. После каждого урока у нас 10-минутная перемена. На третьей перемене мы завтракаем. Эта перемена длится 30 минут. После завтрака проводятся массовые игры, танцы. Кто не хочет играть и танцевать, тот идет в тихую комнату, где можно почитать, поиграть в шашки, шахматы, настольные игры. После большой перемены—опять занятия. После уроков (а их большей частью шесть) мы идем домой или остаемся в школе на любительские технические или художественные кружки. Большой частью кружками руководят сами ребята.

Выходные дни мы проводим весело: мы ходим организованно в кино, Парк культуры и отдыха, где можно поиграть на свежем воздухе, заняться физкультурой. Ходим в библиотеки, где читаем интересные книги. Если ты любишь технику, то иди на детскую техническую станцию, где можно строить разные движущиеся и работающие модели разных машин. Кто интересуется фотографией, тот может получить фотоаппарат или бумагу с карандашом и может заснять или зарисовать то, что ему нравится. Возможностей у нас очень много.

Пока мы будем крепить нашу связь и дружбу через редакцию.

Пишите ответ по адресу: СССР, Москва, 9, ул. Горького, 8. Редакция журнала «Пионер».

ФРОНШТЕЙН, БЫХОВСКИЙ

Эти фотографии прислали исландские ребята. На этом снимке вид Исафиорд

Фронштейну и Быховскому, Москва, Центр, ул. Горького, 8. Редакция журнала «Пионер».

Рейкявик, 20.XII 1933 г.

Дорогие товарищи, русские пионеры!

Мы благодарим вас за письмо, которое все пионеры получили с радостью.

Пионеры здесь организованы не при коммунистической партии, а при Межрабпоме. Скоро здесь будет основано коммунистическое пионердвижение. Все пионервожатые являются комсомольцами. Задача отряда—вовлечь всех детей рабочих в классовую борьбу и поддерживать борьбу рабочего класса за советскую Исландию. Нашему движению всего только два года, и оно поэтому мало, но необходимость в нем большая, потому что борьба капиталистов против рабочих становится острее с каждым днем. Это можно видеть, например, из того, что исландские капиталисты решили создать вооруженный отряд, задачей которого будет подавлять рабочих, когда они будут бороться за повышение зарплат или когда они будут просить работу.

В Исландии сейчас всего только 200 пионеров, но недавно было организовано еще два новых отряда. Мы подразделяем наш отряд здесь, в Рейкявике, на две части: одну для старших и другую для младших. Маленькие пионеры играют, поют, шьют, рассказывают истории, ставят сценки и т. п., а старшие учатся, кроме того, делают игрушки и шетки, которые они продают, а потом еще учатся рисовать. Мы поставили много скетчей, став

их как для коммунистов, так и для Межрабпома.

Мы выпускаем маленькую газету, которая называется «Пионер». Несколько времени назад вышел новый лист. Мы пишем в нем так много, как только возможно, и затем сами продаем его. Недавно устроили собрание, на которое мы пригласили всех детей. Мы украсили зал, сделали много стенгазет, выступали с речами и песнями. Скоро мы опять хотим устроить такое собрание.

Летом мы были несколько дней в лагере. Мы находились в палатках, и нам было очень весело. Но к следующему лету мы хотим, если мы сможем собрать денег, построить маленький летний домик, где смогут находиться бедные рабочие дети. У нас был также один садик, который мы разбили на грядки, так что старшие получали целую, а младшие—погряды. Там мы насадили цветов и разной зелени.

Мы не можем писать теперь больше, но в следующий раз мы будем больше рассказывать об отряде и школе. Мы надеемся скоро получить ваше письмо, и тогда мы ответим так быстро, как мы только можем. Расскажите нам о школе у вас и о жизни вне ее! Что вы учитесь в школе? Пишите скорее!

С пионерским салютом! За пионеротряд в Рейкявике.

Будь готов! Будь готов!

Давид

ТОВАРИЩ В СССР!

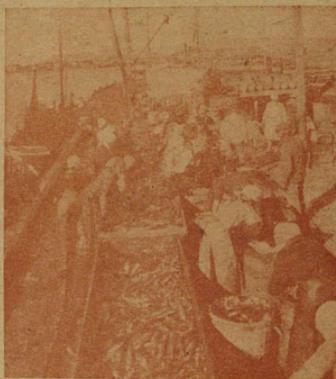
В 1932 г. мы организовали первую пионерскую группу здесь, в Исафиорде. В момент организации в группе было только пять детей. Мы устраиваем сборы каждое воскресенье и обсуждаем наши «профессиональные» вопросы. Мы пытаемся привлечь своих школьных товарищей в пионергруппу и в нашу борьбу за то, чтобы бедные дети не нуждались в покупке учебных принадлежностей и книг. Мы выпустили газету, которая называется «Маленький рабочий». В ней мы пишем обо всем, что касается наших требований жизни. Сейчас у нас в группе 25 человек — все дети рабочих. Мы разделили группу на два отряда: старший и младший. Между ними мы организовали своего рода социалистическое соревнование, и младшая группа победила. Мы хотим получить от тебя письмо с описанием твоего отряда и несколько пионерских газет, если ты можешь послать. В следующий раз мы тоже пошлем наши газеты.

С пролетарским приветом
Рот фронт!

Исафиорд, 11/III 1934 г.

Исафиордские пионеры

Засол селедок в Исафиорде.

Случай в Берлинском зоопарке

На свободе эти две змеи никогда бы не встретились. Одна из них Шарарака — ядовитая змея Бразилии, другая Лабария — встречается в Гвиане.

Эти две змеи встретились в клетке Берлинского зоопарка. Они очень злые и опасные животные. Большинство змей ранят и нападают только тогда, когда рассержены или голодны — эти бросаются на всякое живое существо, которое к ним приблизится.

Встретившись в клетке зоопарка, змеи моментально бросились друг на друга. Побеждает в этой борьбе не та, которая больше и сильнее, а та, которая раньше изловчится схватить своего противника за голову. Голова в пасти — противник побежден. Змея крепко держит его зубами и заглатывает все больше и больше.

На второй картине изображено, как Шарарака заглатывает Лабарию. Случается, что змеи хватают и стараются проглотить животное, которое слишком велико даже для ее необыкновенно растяжимых челюстей. Тогда змея лежит по целым часам на одном месте с добычей в пасти, силясь одолеть эту массу.

